

Воспоминание / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Воспоминание / рассказ ВОСПОМИНАНИЕ

Сколько воспоминаний о днях молодости возникает у меня при первой нежной ласке весеннего солнца! Вот возраст, когда все приятно, весело, когда все чарует и пьянит. Как чудесны воспоминания о былых веснах!

Помните ли вы, старые друзья, мои собратья, эти годы радости, когда жизнь была сплошным торжеством, сплошным весельем? Помните ли вы дни бродяжничества в окрестностях Парижа, нашу ликующую бедность, наши прогулки в зеленеющих лесах, опьянение голубизной воздуха, кабачки на берегу Сены и наши любовные приключения, такие банальные и прелестные?

Я хочу вам рассказать сейчас одно из этих приключений. С тех пор прошло двенадцать лет, – и оно кажется теперь уже таким далеким, таким далеким, словно произошло в первой половине моей жизни, перед поворотом, перед тем проклятым поворотом, откуда я вдруг увидел конец пути.

Мне было тогда двадцать пять лет. Я только что приехал в Париж, служил в одном из министерств, и воскресенья казались мне необыкновенными праздниками, полными счастья, хотя в эти дни никогда ничего особенного и не происходило.

Теперь для меня каждый день – воскресенье. Но я сожалею о том времени, когда у меня было только одно воскресенье в неделю. Как оно было прекрасно! Я мог истратить в тот день шесть франков!

В то утро я проснулся рано, с ощущением свободы, которое хорошо знакомо всем чиновникам, с ощущением свободы, отдыха, покоя и независимости.

Я растворил окно. Была чудесная погода. Над городом простиралось голубое безоблачное небо, полное солнца и ласточек.

Я наскоро оделся и вышел, намереваясь провести весь день в

лесу, подышать запахом листвы; ведь я деревенский житель и вырос среди полей и лесов.

Париж просыпался радостно, все в нем сияло и горело. Блестели фасады домов; в клетках распевали во все горло канарейки швейцаров; веселье порхало по улицам, светилося на лицах, сеяло всюду смех, – словно все живые существа и даже все неодушевленные предметы испытывали какую-то тайную радость под лучами восходящего солнца.

Я направился к Сене, чтобы сесть на Ласточку и ехать в Сен-Клу.

Как я любил эти минуты ожидания парохода на пристани! Мне казалось, что я сейчас уеду на край света, в новые чудесные страны. Я наблюдал, как пароход появлялся вдали, под аркой второго моста, сперва совсем маленький, осененный клубами дыма, потом вырастал все больше и больше и становился в моем воображении огромным морским судном.

Он причалил, и я сел на него.

На палубе было уже немало воскресной публики в праздничных, бросающихся в глаза костюмах; пестрели ленты, краснели толстые лица. Я расположился на носу парохода и стоял, глядя, как бегут мимо набережные, деревья, дома, мосты. Внезапно передо мной появился большой виадук Пуен-дю-Жур, перегородивший реку. Здесь кончался Париж и начиналась деревня, а Сена позади двойного ряда каменных арок виадука внезапно расширялась, как будто ей возвратили свободу, и, сразу превратившись в прекрасную реку, мирно текла на просторе через равнины, у подножия лесистых холмов, среди полей, вдоль густых лесов.

Пройдя между двумя островами, Ласточка повернула к зеленому холму, на котором теснились белые дома. Чей-то голос возвестил: «Нижний Мёдон», а потом, когда пароход двинулся дальше: «Севр», и еще дальше: «Сен-Клу».

Я слез и быстрым шагом прошел через городок по дороге, ведущей в лес. Я взял с собою карту окрестностей Парижа, чтобы не запутаться в дорогах, пересекающих по всем направлениям рощи, где обычно гуляют парижане.

Войдя под сень деревьев, я стал изучать по карте намеченный путь, и, кстати сказать, он показался мне чрезвычайно простым.

Надо было повернуть направо, потом налево, потом еще раз налево, и к вечеру я попал бы в Версаль, где мог пообедать. И я медленно пошел под сенью листвы, вдыхая сладостное благоухание молодой зелени и древесных соков. Я шел потихоньку, забыв о своем бумажном хламе, о канцелярии, о начальнике, о сослуживцах, о папках с делами, и думал лишь о счастливых событиях, несомненно, ожидавших меня впереди, о своем будущем, подернутом дымкой неизвестности. Множество воспоминаний детства, пробужденных лесными запахами, проносилось у меня в голове, и я шел, опьяненный ароматом, живым трепетом, колдовскими чарами леса, согретого жарким июньским солнцем.

Иногда я присаживался на каком-нибудь пригорке, чтобы полюбоваться ковром полевых цветов, названия которых были мне знакомы с давних пор. Я узнавал их, как будто это были те самые цветы, которые я видел когда-то у себя на родине. Желтые, красные, лиловые, нежные, маленькие, – они то поднимались на длинных стеблях, то стелились по земле. Насекомые самой разнообразной окраски и самой разнообразной формы – то короткие и толстые, то длинные, причудливые микроскопически маленькие чудовища, совершали мирные восхождения по былинкам, сгибавшимся под их тяжестью. Затем я поспал несколько часов в ложбине и, отдохнув, подкрепив силы этим сном, продолжал путь.

Передо мной открылась восхитительная аллея, где сквозь редкую листву на землю просачивались, как дождь, капли солнечного света, падая на белые маргаритки. Безлюдная, немая аллея казалась бесконечной. Только крупный жужжащий шершень одиноко летел по ней, иногда останавливался, чтобы напиться из цветка, сгибавшегося под его тяжестью, почти тотчас же пускался в дальнейший путь и снова садился передохнуть неподалеку. Он летел, огромный, на прозрачных и несоразмерно маленьких крылышках и как будто был сделан из темно-коричневого бархата в желтую полоску.

Но вдруг я увидел в конце аллеи двух человек – мужчину и женщину, – направлявшихся ко мне. Недовольный тем, что потревожили мою мирную прогулку, я хотел было углубиться в

чащу, однако мне слышалось, что меня зовут. Действительно, женщина махала зонтиком, а мужчина в одном жилете, держа сюртук в одной руке, поднимал другую, как бы призывая на помощь.

Я направился к ним. Они шли торопливой походкой, она – мелкими быстрыми шажками, он – широко шагая; оба покраснелись, у обоих на лице лежала печать усталости и плохого настроения.

Женщина тотчас же спросила меня:

– Сударь, не можете ли вы сказать, где мы? Мы заблудились из-за моего дуралея-мужа: он вообразил, что прекрасно знает эти места.

Я уверенно ответил:

– Сударыня, вы идете по направлению к Сен-Клу, а позади вас – Версаль.

Она продолжала, бросив презрительный и злобный взгляд на супруга:

– Как? Версаль позади нас? Но ведь мы как раз там хотели пообедать.

– Я тоже, сударыня, иду туда.

– Боже мой, боже мой, боже мой! – произнесла она несколько раз, пожимая плечами, и в тоне ее было высокомерное презрение глубоко возмущенной женщины.

Она была совсем молоденькая и недурненькая брюнетка с тенью усиков на верхней губе.

Что же касается мужа, он лишь потел и вытирал лоб. Это была, вероятно, обыкновенная супружеская пара парижских буржуа. Муж казался подавленным, измученным и расстроенным.

Он забормотал:

– Но, моя милая... ведь это ты...

Она оборвала его:

– Это я... Ах, теперь выходит, что это я! Так это я захотела отправиться в Версаль, не спрашивая ни у кого дороги, и заявила, что безусловно ее найду? Так это я вздумала подняться направо по откосу и уверяла, что узнаю дорогу? Так это я взяла на себя заботу о Кашу...

Она не успела договорить, как вдруг ее муж, словно в припадке сумасшествия, испустил пронзительный и протяжный вопль дикаря,

который невозможно выразить ни на одном человеческом языке, что-то вроде ти-и-ти-и-т.

Молодая женщина, нисколько как будто не удивившись и не обнаружив ни малейшего волнения, продолжала:

– Нет, право, есть же на свете такие болваны, которые воображают, что они всегда все знают. Так это я в прошлом году села на дьепский поезд вместо гаврского? Скажи, это я? Так это я держала пари, что господин Летурнер живет на улице Мучеников?.. Это я не хотела верить, что Селеста воровка?..

Изумительно быстро выпаливая слова, она продолжала нагромождать самые разнообразные, самые неожиданные и самые тяжелые обвинения, полные интимных подробностей, упрекая мужа за все его поступки, мысли, замашки, затеи, старания в течение всей их супружеской жизни, вплоть до настоящей минуты.

Он пробовал остановить ее, успокоить и бормотал:

– Но, дорогая моя... напрасно ты говоришь все это... в присутствии постороннего человека... Незачем устраивать сцены... Это мало кому интересно.

И он жалобно посматривал на зеленую чашу, словно желая измерить таинственную и безмолвную ее глубину, чтобы туда бежать, спрятаться, укрыться там от всех, и время от времени он снова испускал все тот же пронзительный и протяжный крик: «ти-и-ти-и-т». Я решил, что это симптом нервной болезни.

Внезапно молодая женщина повернулась ко мне и, с необычайной быстротой изменив тон, произнесла:

– Если позволите, сударь, мы пойдем вместе с вами, а не то мы опять заблудимся и заночуем в лесу.

Я поклонился; она взяла меня под руку и заговорила о том, о сем: о себе, о своей жизни, семье, торговле. Они были перчаточниками с улицы Сен-Лазар.

Муж шел рядом с ней, по-прежнему бросая безумные взгляды на лесную чашу и время от времени выкрикивая свое «ти-и-ти-и-т».

Наконец я спросил его:

– Почему вы так кричите?

Лицо его приняло грустное, безнадежное выражение, и он ответил:

– Я потерял свою собаку.

– Как? Потеряли собаку?

– Да. Ей еще нет и года. Она никогда не выходила из лавки. Я взял ее с собой, – думаю, пусть побегает в лесу. Она никогда не видела ни травы, ни листьев и совершенно обезумела. Принялась прыгать, лаять и вдруг исчезла. Да еще знаете, она очень испугалась железной дороги и от этого просто одурела. Как я ни звал ее, она не вернулась. Она подохнет с голоду в лесу.

Молодая женщина, не оборачиваясь к мужу, отчеканила:

– Если бы ты не спускал ее с поводка, этого не случилось бы. Такие дураки, как ты, не должны заводить собак.

Он робко пробормотал:

– Но, дорогая моя, ведь это ты...

Она остановилась как вкопанная, посмотрела мужу прямо в глаза, словно желая их вырвать, и опять принялась бросать ему в лицо бесконечные упреки.

Вечерело. Медленно расстилал свой покров туман, затягивая всю окрестность; веяло поэзией сумерек, особой и чарующей свежестью, которая чувствуется в лесу с приближением ночи.

Вдруг муж остановился и лихорадочно стал обшаривать свои карманы.

– Ох, да неужели же...

Жена смотрела на него.

– Что такое еще?

– Я забыл, что несу сюртук на руке.

– Ну и что же?

– И потерял бумажник... а в нем все деньги...

Она задрожала от гнева, задохнулась от негодования.

– Этого только не доставало. Какой ты дурак! Какой же ты дурак! И дернуло меня выйти замуж за такого идиота! Что ж, ступай назад и изволь найти его. А я пойду в Версаль с этим господином. У меня нет желания ночевать в лесу.

Он кротко ответил:

– Хорошо, друг мой. Но где же я вас найду?

Мне рекомендовали один ресторан. Я назвал его. Муж повернулся и пошел назад, пригибаясь к земле, осматривая ее беспокойным взглядом, и по-прежнему непрерывно кричал: «Ти-и-ти-и-т».

Мы еще долго видели его в глубине аллеи, но темнота становилась все гуще и стирала очертания его фигуры. Уже нельзя было различить его силуэт, но мы еще долго слышали жалобное «тиит, тиит тиит», звучащее тем пронзительнее, чем чернее становился мрак.

Ну, а я шел бодро и радостно, упиваясь прелестью ночи, рядом с маленькой незнакомкой, опиравшейся на мою руку.

Я подыскивал слова, чтобы завести галантный разговор, но не находил их и пребывал в немом и взволнованном восхищении.

Внезапно нашу аллею пересекла большая дорога. Вправо от нас в долине виднелся городок.

Что это была за местность?

Проходил какой-то человек. Я спросил его. Он ответил:

– Буживаль.

Я остановился в изумлении.

– Буживаль? Вы в этом уверены?

– Еще бы, я здесь живу.

Маленькая женщина захохотала, как безумная. Я предложил нанять извозчика и ехать в Версаль. Она ответила:

– Ни за что! Это очень забавно, и я очень голодна. В сущности, я ничуть не беспокоюсь, ну а муж не пропадет. Для меня такая удача – избавиться от него на несколько часов.

Мы зашли в ресторан на берегу реки, и я осмелился взять отдельный кабинет.

Честное слово, она здорово опьянела, стала петь, пить шампанское, наделала массу всяких глупостей... вплоть до самой большой.

То был мой первый адюльтер!

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 20 мая 1884 года под псевдонимом Мофриньёз. В новелле переработан один из эпизодов «Воскресных прогулок парижского буржуа» (очерк «Первый выход»).

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод В.Мозалевского Neкаýalar